

Восточноевропейские интеграционные импульсы

Алиса Багаева

Перефразируя Льва Николаевича Толстого, можно сказать, что каждый счастливый регион, т.е. регион, где есть стабильность и безопасность, похож на другой такой же, а каждый несчастливый – с историей бесконечных социально-политических и экономических трансформаций, несчастлив по-своему.

Регион Восточной Европы относится к зонам не только столкновения геополитических интересов России и Западной Европы, но и к тем геополитическим пространствам, к наименованию которых применялись противоречивые подходы.

Эти названия не раскрывали его ни этнокультурной, ни историко-цивилизационной сущности, а прятали лицо региона то за сложными географическим конструктами (Срединная Европа, Центральная и Юго-Восточная Европа, Центральная и Восточная Европа и пр.), то за идеологическими формулировками (страны Восточного блока, страны народной демократии, страны социалистического содружества и т.д.).

Однако в этом регионе имелись собственные силы, способствующие формированию его политической, экономической и культурной целостности. И при благоприятных условиях, как внутренних, так и внешних, они могли бы лечь в основу восточноевропейского интеграционного проекта.

БАГАЕВА Алиса Валерьевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. *E-mail:* bagaeva@socio.msu.ru

Ключевые слова: Малая Антанта, Балтийская Антанта, Балкано-Дунайская федерация, «Веймарский треугольник», Вышеградская четверка, ГУАМ, Восточная Европа.

Глубокие исторические корни имеет **Балтийско-Черноморская региональная система**. С российской стороны к созданию причастны и Иван IV, который при этом четко руководствовался политикой расширения территории страны, и Петр I с успешной внешней политикой на балтийском направлении.

Благодаря этому стало возможным формулировать такие планы русского «похищения Европы», как проект «Северного аккорда» Н.И.Панина и «греческий проект» Екатерины II, направленный на то, чтобы военными, политическими, миграционными и иными методами актуализировать геокультурную память населения Причерноморья и Балкан, направив их на сближение с Россией. Достичь этого предполагалось с помощью укоренения русских в регионе. Но это обеспечивалось не только за счет прямой миграции, но и через обращение к византийскому историко-культурному и религиозному наследию, особенно значимому для формирования геокультурного своеобразия юго-западного региона Российской империи¹.

Вместе с тем все проекты, касающиеся региона Восточной Европы и Балтии, рождались в условиях существования империй, которые, охватывая территории, населенные разными этническими общностями, не позволяли им ни подняться до государственной формы организации, ни тем более до образования межгосударственных союзов. Поэтому старт планам восточноевропейской интеграции был дан крушением Российской, Германской и Австро-Венгерской империй после Первой мировой войны.

Понятно, что и опыт сотрудничества на первом этапе был заимствован из практики межгосударственного взаимодействия, сложившейся накануне войны в рядах будущих стран-победительниц. Только в этом регионе идея Антанты послужила образцом для создания Малой и Балтийской Антант, а были и другие такие союзы.

Малая Антанта, как известно, объединила в военный блок Чехословакию, Румынию и Югославию (1920/1921–1938)².

Этот блок формировался с целью сохранения баланса сил, сложившего после Первой мировой войны. Он имел значение и для нерегиональных акторов, прежде всего Франции, подписавшей военные соглашения с каждой из трех участниц Малой Антанты. Франция видела в Малой Антанте возможность открытия второго фронта в случае вооруженного конфликта с Германией.

Не имела возражений против таких планов и Советская Россия.

Это видно из письма М.М.Литвинова И.М.Майскому из Женевы в Лондон от 11 июня 1934 г.: «Что же касается вопросов общей политики, то они, по-моему, для Вас довольно ясны. Мы желаем мира и сотрудничать со всеми, кто это желание разделяет. Отсюда и наше сближение с Францией и с Малой Антантой. Мы зовем всех сторонников мира к сплочению на почве общих соглашений, а также региональных пактов взаимной помощи, включая военную помощь»³.

Поэтому не внешнее сопротивление, а отсутствие артикулированных региональных интересов на фоне расходящихся национальных инте-

ресов стран – участниц блока привели к тому, что он прекратил существование фактические еще до Мюнхенской конференции 1938 г.

Пакт о сотрудничестве, согласии и взаимной помощи, известный как **Балтийская Антанта**, был заключен между Литвой, Латвией и Эстонией 12 сентября 1934 г. в Женеве.

И если на политику Малой Антанты оказывала влияние внешнеполитическая линия Франции, то на действия этого блока – Германия. Блок был аннулирован указами новоизбранных правительств Латвии, Эстонии и Литвы в июне 1940 г., после вхождения этих стран в сферу влияния СССР по итогам советско-германских соглашений 1939 г.

Несмотря на то что время существования данных структур было относительно коротким, а также отсутствие сколь-либо ощутимых согласованных международных шагов, нельзя не отметить, что они внесли позитивный вклад в понимание необходимости регионального взаимодействия, выраженной заимствованным французским термином, означающим «согласие». Это достаточно точно передавало понимание лидерами региональных государств необходимости выработки общих позиций по региональным вопросам и формулирования представлений о восточноевропейской региональной идентичности.

Препятствием реализации этих планов был и небогатый опыт самостоятельной государственной политики и общий политический, идеологический и экономический фон межвоенного времени.

Понимание того, что *Interbellum* может закончиться только новой

войной, вело к созданию таких проектов регионального сближения, которые базировались на приоритете военно-стратегического сотрудничества.

Уже в 1940 г. Уинстоном Черчиллем, при поддержке США, была выдвинута идея создания **Балкано-Дунайской федерации** – блока Балканских и придунайских стран, в который должны были войти Болгария, Югославия, Турция, Греция, Албания и Македония, которая получила бы к тому времени независимость⁴.

Федерация являлась бы самостоятельной государственной единицей, а ее политика должна была соответствовать британским интересам и противостоять влиянию СССР в регионе.

Шагом к реализации данного проекта стало образование в ноябре 1940 г. временной «польско-чехословацкой федерации» эмигрантскими правительствами этих стран в Лондоне. Далее последовали Договор о политическом союзе, подписанный в январе 1942 г. между греческим и югославским эмигрантскими правительствами, и польско-чехословацкое соглашение о создании другой федерации – Центрально-Европейского союза.

После войны такие региональные федерации должны были постепенно превратиться в политические и экономические унии, включив в свой состав все Балканские и придунайские страны, Польшу, а также Литву, Латвию, Эстонию, которые бы вышли из состава СССР.

С точки зрения инструментов регионального сближения авторы проекта Балкано-Дунайской федерации

проявили новый подход, который, впрочем, был вполне в духе военного времени, когда многие люди в поисках мира и спокойствия обращаются к церкви. Сторонником такого объединения являлся римский папа Пий XII, по мнению которого католическая церковь должна была доминировать в управлении создаваемой федерацией.

Однако ход военных действий не позволил набрать политические очки сторонникам федералистской модели организации восточноевропейского региона. Фактически идея Балкано-Дунайской федерации была развеяна результатами Ялтинской конференции.

Новый этап регионального сотрудничества прошел под знаком социалистической экономической интеграции, проводимой **Советом экономической взаимопомощи (СЭВ)** и военно-политическим союзом – **Организация Варшавского договора (ОВД)**.

Можно говорить о недостаточной экономической проработке и излишней идеологизированности многих проектов СЭВ. Не выдержала испытание временем и модель блокового сознания, которая лежала в основе сотрудничества стран – участниц Варшавского договора.

В то же время на этом этапе были достигнуты позитивные шаги не только в отдельных направлениях сотрудничества, например энергетике, но и, что особенно важно для соседних государств, – в развитии приграничных связей. Крушение социалистических моделей в странах региона и распад СССР неизбежно по-

требовали поиска новых вариантов регионального взаимодействия.

На третьем этапе те же проблемы, которые стояли в региональном плане перед государствами Восточной Европы, оказались актуальными и для ставших независимыми бывших советских республик.

Преодолению прежнего отчуждения должны были способствовать новые форматы международного сотрудничества. Созданные после окончания холодной войны. Один из таких форматов – **«Веймарский треугольник»** – Франция, Германия и Польша (нем. – *Weimarer Dreieck*, фр. – *Triangle de Weimar*).

Название дал немецкий город, где 28 августа 1991 г. в первый раз прошла встреча министров иностранных дел этих государств: Польши – Кшиштофа Скубишевского, Франции – Ролана Дюма и Германии – Ганса-Дитриха Геншера. Встречи на высшем уровне лидеров трех стран проходили: в 1998 г. – в Познани, в 1999 г. – в Нанси, в 2001 г. – в Хамбахе, в 2003 г. – во Вроцлавле и снова в Нанси в 2005 г.

Запланированный на июнь 2006 г. саммит в Веймаре не состоялся из-за отказа тогдашнего президента Польши Леха Качиньского, который обиделся на статью в немецкой *Die Tageszeitung*.

Известный немецкий публицист Питер Кёлер в июле 2006 г. высмеял братьев Качиньских за их местечковый патриотизм и ненависть к Германии, обозвав «братьями-картофелинами». Эксперты замечали, что Лех Качиньский превратил «Веймарский треугольник» в Бермудский: в нем безнадежно исчезли все добрые намерения Франции и Германии по-

мочь Польше обрести свое место в Европе. Саммит «треугольника» (7 февраля 2011 г., Варшава), пробудил надежды на обновление, на новые открытия в отношениях старой и новой Европы.

Такая же дипломатическая трехсторонняя конструкция есть и для министров обороны.

Круг обсуждаемых в рамках «Веймарского треугольника» проблем достаточно широк:

- отношения с Россией и Украиной;

- вопросы европейской политики безопасности и расширения Евросоюза.

Разумеется, между странами сохраняются и возникают разногласия, например как по поводу Ирака, но подобные форматы и служат для того, чтобы, несмотря на различия позиций, продвигаться к созданию единого европейского политического и экономического пространства.

Неожиданная для большинства экспертов инициатива президента Польши Бронислава Коморовского по превращению «Веймарского треугольника» в «квадрат» с участием России может стать для Польши «Веймарским лифтом», который вынесет эту амбициозную страну в высшую лигу европейской политики. Это особенно актуально в связи с полугодовым председательством Польши в Европейском союзе. Но при этом отметим, что в соответствии с польской Конституцией ответственность за внешнюю политику лежит на правительстве, а президент является лишь «рупором», озвучивающим инструкции Министерства иностранных дел.

Еще один формат, о котором также надо говорить в ракурсе сближе-

ния стран Восточно-Европейского региона, – это **Вышеградская четверка (V-4)**. Такое неофициальное название объединения четырех восточноевропейских стран: Чешской Республики, Венгерской Республики, Республики Польши и Словацкой Республики.

The European Quartet – One Melody («Четыре страны – одна мелодия») под этим лозунгом с 2004 г. развивается многоплановое сотрудничество Чехии, Польши, Словакии и Венгрии, направленное на популяризацию туристских предложений Центрально-Европейского региона.

Предыстория Вышеградского объединения началась в ноябре 1335 г., когда в королевском дворце в Вышеграде венгерский король Роберт Карой держал совет с польским королем Казимиром III и чешским королем Яношем Люксембургским. Целью встречи правителей трех стран было подписание экономических соглашений, направленных на борьбу с австрийскими торговыми конкурентами. Возобновление сотрудничества началось 15 февраля 1991 г., когда премьер-министрами и президентами трех стран – В.Гавелом, Л.Валенсой и Й.Анталлом была подписана совместная декларация. После так называемого «бархатного развода» Чехии и Словакии тройка превратилась в четверку.

Тогда как восточноевропейские государства и страны Балтии взяли курс на вхождение в Европейский союз, для других постсоветских стран была возможна интеграция в рамках **Содружества Независимых Государств (СНГ)**.

Сложности развития этой интеграционной модели, разнонаправленность национальных интересов бывших советских республик привели к образованию на постсоветском пространстве субрегиональных структур как экономической, так и политической направленности⁵.

Одним из проявлений субрегионального сотрудничества в военно-политической сфере с участием государств, имеющих общие интересы, стало образование в 1997 г. организации, названной **ГУАМ** – по странам-участницам: Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии (с 1999 по 2005 г. в организацию также входил Узбекистан, что отразилось в наименовании ГУУАМ).

Во-первых, инициатива разворачивалась вне рамок СНГ, что отражало ориентацию членов группы на европейские и международные структуры.

Во-вторых, четко обозначилось военно-политическое стремление стран-членов противостоять намерениям России пересмотреть фланговые ограничения обычных вооруженных сил в Европе. Кроме того, деятельность ГУАМ стала катализатором напряженности между странами – членами организации, с одной стороны, и Арменией и Туркменистаном – с другой.

В-третьих, Российская Федерация не была приглашена в ГУАМ даже в качестве наблюдателя, в отличие от США, Румынии, Ирана, Латвии, Польши и других стран, лидеры или представители которых в разное время посещали саммиты организации.

В-четвертых, общим условием политического развития стран, вхо-

дящих в данное объединение, являлась необходимость разрешения региональных конфликтов и урегулирования отношений с так называемыми непризнанными государствами (Абхазией, Южной Осетией, Нагорным Карабахом, Приднестровьем). Государства ГУАМ при поддержке США, Великобритании, ряда других стран и, несмотря на активное сопротивление России, добились включения вопроса о «замороженных конфликтах» в бывшем СССР в повестку 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2006 г.).

В том же 2006 г. на Киевском саммите был принят устав организации. Она получила название Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. С 2007 г. после Бакинского саммита, который прошел под знаковым лозунгом «ГУАМ: объединяя континенты», в повестке дня сотрудничества стран-участниц наметились те вопросы, которые можно отнести к важным задачам и для других государств. Это:

- энергетическая безопасность;
- использование транзитного потенциала стран-членов;
- борьба с международным терроризмом, агрессивным сепаратизмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью⁶.

Однако постановка задач по развитию сотрудничества в данных областях, а также в гуманитарной сфере не придала нового импульса работе ГУАМ.

Причины здесь разные.

Анализируя институциональные, отметим, что если на первом этапе интеграционной истории страны ре-

гиона ориентировались на западную модель военного блока, на втором – на советскую модель идеологического единства участников, то на третьем этапе за институциональный образец ГУАМ был взят опыт Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). А его нельзя считать безупречным.

Такие базовые документы ОБСЕ, как Хельсинкский заключительный акт, Парижская хартия для новой Европы, Хартия европейской безопасности, декларации руются основополагающими документами ГУАМ. И структурно ГУАМ копирует ОБСЕ. Точно так же, как ОБСЕ оказывается неэффективной в урегулировании субрегиональных конфликтов, то же можно было сказать и об Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ.

Новый, четвертый, этап интеграционных усилий был начат в 2008 г. инициативой Польши по созданию **«Восточного партнерства»**.

Что общего и в чем его отличие от предыдущих этапов?

К общему можно отнести следующее.

Первое – импульс идет извне, в данном случае от Европейского союза; главной целью провозглашается сближение ЕС с шестью странами бывшего Советского Союза: Украиной, Молдавией, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Белоруссией.

Второе – как и в истории создания серии Антант, программа «Восточное партнерство» выступает как дополнение к другим региональным программам Евросоюза, например «Северное измерение», «Черномор-

ская синергия», «Средиземноморский союз», являясь почвой для дискуссий по визовым соглашениям, соглашениям о свободной торговле и стратегическому партнерству с государствами – восточными соседями. Однако отличия от исторических предшественников более чем очевидны. Прежде всего они проявляются в отношении к России, мнение которой не игнорируется и которая должна приглашаться для обсуждения некоторых местных инициатив, например относящихся к Калининградской области. Далее, программа не имеет собственного секретариата, а потому контролируется непосредственно Европейской комиссией и «флагманские инициативы» финансируются ею же. Это означает отсутствие условий ее обрастания бюрократическим аппаратом, который в определенных ситуациях ведет себя по принципу «хвост виляет собакой».

Можно отметить, что инициаторы программы «Восточное партнерство», по возможности учли печальный опыт восточноевропейских интеграционных структур. Европейскую политику соседства, являющуюся официальной политикой Европейского союза по отношению к соседним странам, можно расценивать как понимание важности истины, выраженной словами Кайсына Кулиева: «Легко любить все человечество, соседа полюбить сумей».

Однако и для стран, охваченных программой «Восточное партнерство», есть не менее актуальная истина. Она также вытекает из их интеграционного опыта: важнейшим условием успешной интеграции является формирование региональной

идентичности. В их насыщенной истории у государств региона не было такой потребности. Сейчас же она налицо. И если «Восточное партнерство» будет способствовать этому, то можно надеяться на появление и других региональных интеграционных проектов.

Примечания

- ¹ *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- ² Pact of the Organization of the Little Entente // Soci?t? des Nations. Recueil des traites. V. CXXXIX. P. 233 // URL: http://www.mfa.gov.yu/History/poa_e.html
- ³ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2 кн. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 1900–1934. С. 432.
- ⁴ *Широкорад А.* Балкано-Дунайская конфедерация. Могла ли Вторая мировая война в 1943 году перерасти в третью мировую? // URL: <http://topwar.ru/25672-balkano-dunayskaya-konfederaciya.html>
- ⁵ *Язькова А.А.* Саммит ГУАМ: намеченные цели и возможности их реализации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: ИНИОН РАН, 2005. Вып. 16. С. 10–13.
- ⁶ Коммюнике Бакинского саммита ГУАМ // URL: <http://guam-organization.org/node/344>